

СМЕНА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ ОГИЗ — 1930

32

10 коп.

**КРОВАВАЯ СОБАКА ПУАНКАРЕ ЖАНДЕТ КРОВИ
РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН.
СМЕРТЬ ИНТЕРВЕНТАМ, ШПИОНАМ И ПОДЖИГАТЕЛЯМ,
ХОЗЯИНАМ ПУАНКАРЕ!**

За спиной подслепых, привлеченных во
длу Премпастий, с каждым часом судебно-
ного средства, с каждым новым показани-
ем встает вполне действительно фигура
империалистической Франции и ее про-
ронца — Пуанкаре. Это Франция решила „по-
ставить на широкую ногу военных и продо-
вольственное снабжение интервенционист-
ских армий“, как показывал Рамен. Это
она готовила двойной удар на Москву и
Ленинград. Она высказывала недовольство
недостаточно тесной связью Промпартии
с генштабом. Наконец она готовилась со
всем остервенением империалистического
хищника драться с СССР до последней
капли крови польского и румынского сол-
дата.

XX 101
1

„Ни одной пяди чужой земли мы не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим“.

Сталин

ВОЙНА ИНТЕРВЕНЦИИ! ВСЕ НА БОРЬБУ С ВРЕДИТЕЛЬСТВОМ!

ШИРЕ ФРОНТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ!
ВСЕ МОЛОДОЙ ПОРЫВ, ВСЮ МОГУЧУЮ ЗАРЯДКУ
КРАСНОЗНАМЕННОГО КОМСОМОЛА НА ДЕЛО ОБОРОНЫ!

„Ответ вредителям и интервентам“ должен вызвать новый подъем соцсоревнования, прилив новых сил рабочего класса в удачное движение, поднять ударничество на новую ступень.

Каждое предприятие, какой цех, какая бригада сумеет лучше всего провести режим экономии, максимально загрузить свое оборудование и рабочий день, сократить и уничтожить брак, прогнать, протести, перевыполнить свой план, организовать прилив в колхозы в своем подшефном селе и тем самым дать большевистский ответ вредителям и интервентам — вот на каких вопросах должно развернуться соревнование бригад, цехов, предприятий.

В ответ империалистическим интервентам и их контрреволюционным агентам внутри страны трудящиеся массы в городе и деревне укрепят мощь и способность героической Красной армии и флота и развернуть боевую военную подготовку на фабриках и заводах. Каждый рабочий, каждая работница должны быть готовы в любую минуту стать в ряды вооруженных защитников социалистической страны.

На угрозу интервенции, на раскрытые факты вредительства пролетарии Советского союза ответят еще большим напряжением своих сил в борьбе за генеральную линию партии против правых и „левых“ оппортунистов и примиренцев и интриганов. Вредители и интервенты прощаются и на сей раз. Их ставка будет бита. Мы уже вступили в период социализма.

Социализм побеждает и победит!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

Смена

№ 32 НОЯБРЬ 1930 г.

Литературно-художественный и общественно политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи. Орган ЦК и МК ВЛКСМ — изд. „Молодая Гвардия“

Ответственный редактор С. Кэмард. Заведующий редакцией Я. Юдицкий.
Адрес редакции: Москва, Центр, Новая площадь, 6, изд-во „Молодая Гвардия“, редакция журнала „Смена“. Телефон 2-35-26.

"Демпинг"

Фельетон Д. Лебедева

Комментарии А. К.

Части и трактора, ввезенные в СССР из САСШ.

ПРЕСТУПНИК ОБНАРУЖЕН

«Девиль Телеграф» считает, что проклятые большевики продали в Англии 200 тысяч quintalов зерна в порядке демпинга, а его более твердолобый собрат, «Морнинг Пост», повышает эту цифру до 2 миллионов. Чернокопая «Девиль Майль» непрячь признать, что весь хлеб, который появляется на рынке, — советский и к тому же отравленный.

«Панаша твердолобой печати «Таймс», суммировав все эти разрозненные умоважения, пришел к выводу, что о большевниках вообще решили взорвать Европу. Дело не в зерне. Зерно — предлог. А главное подорвать благополучие цивилизованных стран. В доказательство «Таймс» привел потрясающие факты, когда советский хлеб продавался в Англии по ценам ниже себестоимости.

— Вот вам, — торжествующе вопил он, — настоящий советский демпинг! Попробуйте сказать, что-нибудь обратное?

В самом деле «попробуйте», когда милейший Хикс уже засучивает рукава и сладострастно поглядывает на свой фамильный ассортмент угловатых орудий.

Но на всякую старуху бывает проруха. На сей раз не повезло и раз'едаемому старческий марзамом «Тайсу».

«Нельзя без смеха читать, — писал ему крупный хлебопромышленник Реннет, — вашу статью о советском демпинге. Хлеб, о котором вы изволили писать, извините, французский, а не советский, и демпинг опять же осуществляет Франция, а не СССР. Не кто как Франция продает в Англии свой хлеб на шиллинг¹ дешевле за квартал (2 quintала), чем внутри страны».

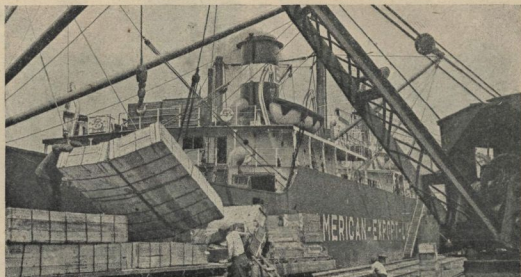
Действительно получился нелепо. Демпинг в самом деле обнаружен, но при расследовании преступник оказался явно французского происхождения.

Не напоминает ли это того преступника, который, совершив преступление, вопил «Держи!» направляя то-пу по ложному следу?

ВМЕШИВАЕТСЯ ДЬЯВОЛ

Однако французский гражданин Феврье утверждает, что он открыл советский демпинг. Мы не знаем, сколько он требует за свое открытие, но по нашему не стоит ему давать ни гроша. Во-первых потому, что, как мы видели, французы по близорукости выдали свой

Скучный термин, служащий нам заголовкой, еще недавно был известен только специалистам по вопросам междугородной торговли. Демпинг — это экспорт по ценам ниже себестоимости, по бросовым ценам. Демпингом в самом широком масштабе занимаются капиталистические монополии, складывающиеся за границу избыток своей продукции для того, чтобы поддерживать высокий уровень цен на собственном внутреннем рынке. То, что продается внутри страны, за границей скармивается свиным, при чем результат этой операции оказывается весьма прибыльным. Демпинг конечно особенно усилия в условиях нынешнего мирового кризиса, в условиях, когда каждая капиталистическая страна задыхается от так называемого перепроизводства (т.е. от избытка товаров, которые не находят себе сбыта у нуждающихся, но обесценивших масс) и пытается выбросить на чужие рынки свои «излишки» товаров.

Американский пароход «Бонка-Брун», доставивший в Новороссийск груз для Сталинградского краснотракторного завода им. тов. Дзержинского.

собственный демпинг за советский. Во-вторых, пальма первенства все же принадлежит не французам, а американцам.

— Не кто, как они, подняли вой о «советском демпинге», когда Всесоюзный текстильный синдикат продал партию пшеницы, чтобы застраховаться себя от падения цен.

Сенатор Диль из Вашингтона риснул подсчитать, сколько же хлеба продал Текстильный синдикат. Оказалось, что на долю синдиката пришлось только пятнадцатая часть всех хлебных сделок за три дня, сто пятидесятая часть за месяц.

Сенатор Диль, хлебопромышленник, человек, не искусный в политике, не осторожный. С откровенностью кулака он взял и бранил свое заведение в печать.

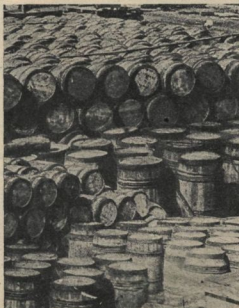
— Дурки, — заявил он, — могут обвинять Советский союз. Даже 50 миллионов бушель² не могут сейчас сколько-нибудь повлиять на цены.

¹ Шиллинг — 50 коп.

² Quintal — 100 килограммов.

³ Бушель — 25 килограммов.

Норвежская сельдь — аршина

Вот это по крайней мере резонно: кризис есть кризис и ни чорта лысого с ним не поделаешь.

Но на то, как говорится, и Фиш в сенате, чтобы Дилл не дремал. Фиш возглавляет сенатскую комиссию по организации антисоветских подлогов.

Фиш разгласил неподготовленному сенатору, что он свалил Вильку.

— Неважно сколько большевики продали. Важно, что это продали большевики.

В первые законной ярости он даже выступил по радио с призывом отодаться против СССР, который «все продает путем демпинга». Когда от сенатора потребовали сказать, что же именно, он долго не мог дать ответа и наконец тоном пророка заявил:

— Трише!

— Вот чем большевики решили зазвеч Капиталистический мир!

Близкая к Фишу газет-а «Вашингтон Пост» благоговейно заявляет:

— Советский демпинг направляется дьявольскими силами...

КАНАДСКИЕ ПУЛИ

Но оставим в покое дьявола и займемся его полномочными представителями на земле — канадскими пулями. Канадские пули — это сыскулативные организации, руководящие экспортом хлеба из Канады. Вполне естественно, что в силу своего положения канадские пули вместе со своими американскими братьями командуют над мировыми ценами на хлеб.

Престол пшеничных королей Канады и Соединенных Штатов — недосягаем для бессмертных. Они все всемогущи. Они не знают конкурентов и не боятся соперничества.

Мировой рынок — поле военных действий. Здесь все страны соревнуются в жульничестве, во всевозможных махинациях, в изощренных изъемах угла. Короли просчитались. Их конкуренты оказались дальновиднее. Пшеничный престол рухнул на одну ножку.

В прошлом году урожай был средней. Аргентина и Австралия — главные конкуренты Канады и Америки — распустили слух, что урожай у них низкий, что им ничего продавать. Пули ободрались. Сыграть на голоде — это же такое выгодное дело. Пули припрятали мялую толку хлеба — что-то около двухсот миллионов бушелей. Такого запаса действительно хватило бы на черный день.

Но когда операция укрывательства была закончена, аргентинские и австралийские короли высибли на рынок катастрофическую массу хлеба, — «Конечно урожай был низкий, но мы экономим, знаете». Словом, хлебный рынок оказался в руках аргентинских и австралийских экспортеров.

Пули увидели, какую пулю им отляли в Южных морях. Они стремительно вывалили на рынок припрятанные было запасы. Цены скакнули вниз. В течение полугода бушель пшеницы упал в цене на целый рубль. Эта была катастрофа.

Нормальная цена давно уже была оставлена позади. Пули все понижали и понижали цены. Спрос продолжал сокращаться. Сейчас на мировом рынке 450 миллионов бушелей непроданного хлеба. Цены падают. И еще будут падать.

Вывозим лес на собственных пароходах. На снимке — погрузка экспортного леса в Англию на лесовоза «Правда».

Демпинг — в полном разгаре. Канадский и американский фермеры потеряли на демпинге 50 миллионов долларов. Канадский и американский фермеры вопят, для них демпинг — гибель.

Нужно окупать дымовой завесой виновников демпинга. Нужно переключить недовольство в другую сторону. И канадские пули в нежном блоке с министром Фишем пускают по миру подлую утку о советском демпинге.

„ДЕРЖИ! ДЕРЖИ!“

Впрочек северный анекдот с «Держи Держи!» изюдин в день повторяется на нашей западной границе.

Именно Польша и Румыния особенно назовольно вопют о «советском демпинге». В Румынии даже создан комитет, который расследует происхождение всех импортных товаров, чтобы, чего доброго, под видом португальских кож не была ввезена большевицкая пропаганда. В Бухаресте и в Варшаве заседают «аграрные конференции», которые куда правильнее было бы на «вять антисоветский заговор».

В Польше — кризис. Страна задыхается в тисках безработицы, промышленной депрессии, сокращения сбыта. Конечно во всем виноват СССР, даже в росте цен на сахар, который мы кстаи сказать совсем не собирались ввозить в Польшу. Но наблюдательные люди уже давно заметили, что польский сахар, стоящий в Варшаве 1 400 злотых за тонну, продается в Париже за 300 злотых. Тонна угля стоит в Польше 38 злотых, а как только она переступает польскую границу, она продается по 16 злотых.

Советского демпинга не только не существует, но и не может существовать. СССР — единственная в мире страна, не знающая кризиса перепроизводства и акцидированная у себя безработицу. Он-то как раз и не нуждается в том, чтобы сплавлять куда-либо товары по бросовым ценам. Экспортируя свои продукты лишь для того, чтобы покрыть или необходимые импорт оборудования сельскохозяйственных машин и дефицитного сырья, мы наоборот делаем все возможное, чтобы обеспечить наиболее выгодные условия реализации наших товаров. Советский демпинг — попросту неслепость.

Сыпанувает отравляет за границу советские вино.

Смешно думать, что Советский союз несет ответственность мировых цен на хлеб и страдания крестьянства, когда его хлебный вывоз в текущем году на 1/3 меньше довоенного, то в время как вывоз из Соединенных Штатов в 9 раз, а из Австралии в 50 с лишним раз преамиса довоенный и когда экспортные излишки пшеницы в капиталистических странах почти вдвое превышает потребность ввозящих стран.

Наша внешняя торговля действительно одерживает большие успехи. Дело в том, что социалистическая организация нашего хозяйства дает нам колоссальные преимущества над конкурентами, увеличивает нашу маневренность способность и позволяет нам производить и продавать при прочих равных условиях дешевле капиталистов. В этом как раз и заключается превосходство социалистической

Оливер — французский министр торговли, один из организаторов похода против «демпинга».

— Демпинг? Нет, что вы, что вы! Это — торговая операция. Чехо-словацкий сахар продается за пределами страны вдвое дешевле, чем в самой Чехословакии. Это — тоже «торговая операция».

Польское правительство отпустило 18 миллионов золотых (больше 3 миллионов рублей) на экспортные премии хлеборотам. Это значит, что польский хлеб будет продаваться себе в убыток, который правительство покрывает за счет крестьянина.

Бессарабский крестьянин, продавший безземельем, налогами, примитивной техникой, производит все время в убыток. И у этого-то крестьянина правительство отнимает хлеб по 12 рублей за тону.

Это курс на открытое разорение, курс, который в Америке и в Канаде привел к обнищанию сотен тысяч фермерских хозяйств, к бешеному росту безработицы.

Пеход против советского «демпинга» в Америке закончился крахом. На снимке — разгрузка леса в Нью-Йорке.

Это — курс отчаяния, признание безвыходности аграрного кризиса. Можно конечно ударить направо против СССР. Можно организовать недовольство, которое в последнем счете ударится против самих же организаторов.

История опирается на факты, а не на анекдоты. А факты говорят, что советский хлеб в Париже продается не дешевле, а дороже придуянского хлеба, дороже хлеба Румынии, Польши на целых 10 процентов.

И тем не менее советский хлеб завоевывает рынок. Колхозный и совхозный хлеб оказывается лучше капиталистического.

История с «советским демпингом» является очередной атакой против «Союза советок». Обвинить СССР в организации кризиса — вот цель новой антисоветской кампании. Кризис растет, охватывая весь капиталистический мир, стихийно приближая его неизбежный конец.

От этого конца его не спасут никакие дилетантские «истории» дров «демпинговой».

НО МЫ ВСЕГДА ГОТОВЫ

Десять лет тому назад мировой империализм уже пытался разгрызть советский орешек и не успел в этом. С тех пор орешек стал раз в сто тверже, а зубы у капитализма сильно попортились.

организации над капиталистической и в частности, превосходство коллективизированного сельского хозяйства над индивидуальным, обремененным грузом частной собственности и земельной спекуляцией.

Мировая буржуазия потеряла свои былые надежды на развал или вырождение большевизма. Она убедилась наконец в полной жизнеспособности пятилетия и реальности окончательной победы социализма в Советской стране. Ее воинствующие засемнты считают, что наступила пора действовать. Она делает новую отчаянную попытку, попытку сорвать наше социалистическое строительство. Вполне логично, что эта попытка находит себе выражение в кампаниях против советского экспорта, окрещенного для приличия советским демпингом. Парализовать вывоз СССР — значит остановить и ввоз и стало быть замедлить темп индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Вот ближайшая задача антисоветского наступления на экономическом фронте.

Кампания против «советского демпинга» есть не что иное, как подготовка к вооруженной интервенции: с помощью этой кампании воинствующий мировой империализм пытается мобилизовать мелко-буржуазные массы против СССР, воплотить их в готовности к «священной войне» с Советской страной.

С КЕМ ПОЙДЕТ МОЛОДЕЖЬ?

Очерк Тая

Огромной важности вопрос, который стоит перед генеральными штабами буржуазных армий в связи с усиленной подготовкой к будущей войне, — это вопрос о создании людских ресурсов для армий.

Постоянные армии Франции, Польши, Финляндии и других капиталистических стран даже в мирное время не считаются политически достаточно надежными. Что же будет в военное время, когда в ряды армии вольются массы рабочей и крестьянской молодежи, принявшей активное участие в политической борьбе?

Ясно, что нужна как военная, так и политическая подготовка молодежи к будущей войне. Для этого создана целая система военного и политического воспитания, которая должна заставить молодого рабочего Польши, Франции, Англии, Эстонии поднять винтовку против своего же товарища

политическая обработка ребят в религиозном и патриотическом духе. Буржуазная школа продолжает военную муштровку детей уже в обязательном или полуообязательном порядке.

Для военизации и политического обмана трудящейся молодежи буржуазия, при выходящем участии социал-демократов, выдумала под самыми различными «звучными» названиями фашистские союзы, отряды и даже целые армии. Вот перечень важнейших из них: Финляндия — «Шюцкор»; Эстония —

не «ступают» постоянной армии (например финляндский «Шюцкор», эстонская «Лига защиты», итальянские фашисты).

Буржуазия старается всякими поблажками и обещаниями привлечь молодежь в ряды фашистских отрядов. Им обещается в первую очередь работа, лучшие должности, возможности «выдвигаться» и пр. В Америке промышленники даже финансируют военные лагеря, посылая туда рабочую молодежь на учебу за счет предпрития. В миллионных фашистских частях и военных союзах содержат только политически «надежных» людей. Молодежь, попадающая в фашистский отряд, подвергается тщательной политической обработке. Негодные отстраняются от «честь» служить в буржуазной гвардии.

Фашисты, вливаясь в армию, должны «влиять» на мобилизованных молодых рабочих и крестьян и «воодушевлять» их для борьбы за победу своего отечественного капитала. В мирное же время фашистская гвардия должна активно бороться против всяких революционных выступлений рабочего класса. Насколько большую надежду возлагает буржуазия на свою фашистскую гвардию, видно хотя бы из того, что численность этой гвардии превосходит численность постоянных армий. Так, к началу этого года насчитывалось:

	Постоянная армия	Военно-организованная фашисты
Финляндия	28 тыс.	145 тыс.
Польша	203 "	1500 "
Эстония	13 "	32 "
Латвия	18 "	40 "
Англия	143 "	320 "
САЩ	135 "	320 "

Кроме того, почти все буржуазные страны имеют целую сеть спортивных, научных и технических организаций, которые ведут большую работу по подготовке различного рода нужных для войны молодых специалистов. В последнее время особенно большое развитие получили различные автомобильные и авиационные клубы, так как насыщение будущих армий автомобилями и большое количество самолетов потребует значительных кадров шоферов и летчиков запаса.

Однако лицо фашизма разоблачено. Наши братьские коммунисты ведут с ним отчаянную борьбу. Против буржуазного бойскаутизма пролетарские дети выставляют массовую организацию юных пионеров, против фашистских отрядов пролетарская молодежь выставляет митинговые силы красных фронтовиков, рабочей самообороны, антифашистских групп и пр. Во всех буржуазных странах пролетарские боевые организации молодежи вступают в схватки с фашистами, особенно при массовых демонстрациях, стачках и пр.

В борьбе с фашистами рабочая молодежь за рубежом закаляется для решительных боев с капитализмом.

Румынские бойскауты.

Учения фашистской «черной сотни» Пилсудского.

из «враждебной» армии другого капиталистического государства или же против советского красноармейца. Система эта сложная и весьма хитрая. Уже с 8-9-летнего возраста детей стараются вовлечь в военную организацию бойскаутов, которые имеют абсолютно во всех буржуазных странах. Под видом невинных спортивных игр и военных забав ребят с ранних лет постепенно проталкивают по линии военной учебы. Попутно конечно ведется тщательная

«Лига защиты»; Латвия — «Айваргит»; Польша — «Стрелок», «арьеры», «Сокол» и др.; Германия — «Стальной шлем» и др.; Италия — фашистская милиция; Англия — «Кадетский корпус», стрелковые клубы и пр.; Америка — «национальная гвардия», «гражданские лагеря военного обучения», «военные стрелковые клубы» и пр. Во всех этих организациях молодежь проходит регулярную военную подготовку, носит форму. Многие из этих организаций по своей подготовке

Румынские бойскауты с фашистским «орудием».

В 1931 г. необходимо направить на подготовку 1 300 000 квалифицированных рабочих. Комсомол в течение ряда лет боролся со старым оппортунистическим руководством ВЦСПС и Наркомтруда, отстаивая принципы социалистической подготовки кадров через ФЗУ. Но несмотря на решение XVI партсъезда, указавшего, что ФЗУ является основной формой подготовки рабочих кадров, некоторые хозяйственники и органы труда не доценивают роли ФЗУ. Эти обстоятельства и стремление в некоторых случаях сократить цифры набора ФЗУ за счет «Краткосрочной» подготовки рабочих и мажорантский темп строительства новых школ и т. д. С этими оппортунистическими тенденциями комсомол боролся и будет бороться.

ГРАДУС ПЕРЕСТРОЙКИ

С. Гехт

Первая причина: если закинуть голову, то на самом верхнем пролете можно увидеть грех женщин. Они ползают по стальным сплетениям гнзед, вынуждая узкие столбики. Иногда они вытаскивают на карманов чертежи: все правильно, нет опасности, что придется развешивать эти железные гнзеды. Все они — домашние работницы. Когда им дали адрес квартиры, нуждающихся в домашних работницах, они все отвернулись.

— Не желаю, — ответила первая.
— Не желаю, — ответила вторая.
— Не желаю, — ответила третья.
— Чего же вы хотите? — спросила их биржа.
— На производство, — одинаково ответили все три.

Это привело к тому, что секция домашних работниц... впрочем не надо забегать вперед.

Вторая причина нашей занитес: евангелисты бывшим домом на Рахмановском следующая: на заборе, подле караулки, у самого входа на постройку висит, словно герб над фронтоном, плакат:

Здесь нужны чернорабочие.
Принем без биржи труда!

Плакат свежий, ветер не успел еще обтрепать его края, солнце не успело еще обесцветить его чернил. Плакат висит против самой биржи труда. При желании работница биржи может читать его со своих окон целый день.

Прохожий пройдет мимо бывшего дома, задержится у караулки, прочтет плакат. Потом он обернется и увидит биржу.

— Да, — скажет прохожий, — страна нуждается в рабочей силе.

К сведению историка.

II

В 1930 г. страна остро нуждалась в рабочей силе. Жадные строительства съели почти без остатка все запасы городских бирж труда. Вспомых создавались снежки, еще не бывшая до того в обороте рабочая сила, и та проглатывалась вышеупомянутыми жадными строительствами. Глухие сте-

Перед вниман набором в ФЗУ стоят огромные трудности, которые комсомолу и органам труда необходимо преодолеть. Отсутствие безработных подростков на биржах труда — главная опасность, угрожающая невыполнению контрольных цифр набора. Основными источниками покрытия недостатка подростков являются детдома и безработная молодежь деревни. Кроме того, необходимо использовать опыт ленинградских органов труда, проводивших контрактацию подростков (родственников рабочих, участвующих в Ленин-граде. Особое внимание следует уделить улучшению охраны труда подростков, профотбору, озабочивательной работе среди учащихся ФЗУ и молодых рабочих. На этих участках комсомолу придется много поработать.

ни и горы, для которых еще в 1929 г. и кузнец был случайностью и редкостью, стали жрать тысячи слесарей, токарей, калепальщиков, конюшатников, арматурщиков, столяров, бухгалтеров и многих других специалистов. Стоило вооруженному квалифицицией человеку выйти на дорогу труда, как за него хваталась и главки, и строи, и комбинаты. В 1930 г. бой за социализм был столь горячим, что ими — боими — зацеплялись и невооруженная сила. Сроки были коротки, да было много, и человек часто вооружался в самом бое.

И все же на биржах труда было какие-то остатки. Как, остатки? В 1930 г.?

Не менее, чем историк, были удивлены мы, очевидцы этого года. И не менее, чем мы, было озабочено этим правительством Союза. Остатки? Безработные? В 1930 г., когда страна нуждается в сотнях тысяч рабочих?

К сведению историка.
В 1930 г. стране нехватало свыше миллиона рабочих. В день когда я пишу, строительства стучится в ворота бирж, протягивая заявки. Мы сложили сумму этих заявок: 1 300 000 человек.

Сила традиции была зачастую жвака и в обществе 1930 г. Например, такой архивизм. В те дни, когда строительства стучались со своими заявками в один ворота, из других ворот выходили десятки тысяч людей, по традиции называемых безработными. Они выходили, зажав в руке пособие по безработице. Так вертелась еще по традиции архивическое колесо биржи. Архивизм прекратился в октябре, когда, обусудив неспособность такого колдования, правительство постановило: все участки высшего хозяйства нуждаются в рабочей силе, а потому выдачу пособий по безработице прекратить.

И все же оставались на биржах труда остатки. Неужели это были дощеры или инкуды негодные люди? В чем была сила сопротивления этого остатка, почему благаемые воды времени бежали сами по себе, а остаток сам по себе?

Сейчас разберемся.

III

Корабль входит в нашу эпоху. О корабле кажется нельзя говорить «входить». Тогда так: корабль плывет в нашу эпоху. Прочно утонул строительный стальной с выступами, палубами и мостиками. Наши новые дома — это корабли, навсегда брошенные якорь. Разве не мостики эти белые вышки на доме областного Московского совета? Не напоминает ли новый дом ГПУ большое нефтяное судно, где над разлегшимся и ушедшим в себя туловищем резервуаром вытнулась узкая и белая шея? Часто и глажу на пароходную трубу капитанского мостика «Известий» и удивляюсь: почему она не гудит? Наши новые клубы походят на яхты, а Дом правительства на Болоте кажется мне фрегатом. Он в самом деле дрейфует, флажкомое судно с адмиральским флагом на корме.

После этого необходимого отступления мне не стыдно будет свратить нашу московскую биржу с кораблем, где, возшедши на мостик, можно прекрасно увидеть и понять все, что делается в нашей стране в 1930 г. Мостиком здесь будет все: и замочавшие коридоры с почти опустевшими секциями, и вызывающие пакаты строительств, подобно векам отмечающие здесь путь пешехода, и кабинет заведующего, и картонные колонны в статистических кабинетах. Возшедши на этот многообразный мостик, вы сразу увидите две цифры: 70 000 и 14 000. Москва требует сегодня от биржи семьдесят тысяч рабочих. Биржа дает... постояте, она их еще не дает. Эти четырнадцать тысяч — безработные. Опять возникает вопрос: кто же они?

Тут есть и металлисты.

Тут есть и деревообделочники.

Тут есть и шоферы.

Тут есть и люди умственного труда.

Каждый имеет право сказать:

— Ничего не понимаю! В стране индустриализация, а у нас — безработные металлисты; в стране автомобилизация, а у нас — безработные шоферы; в стране культурная революция, ликвидация неграмотности, обязательное всеобщее обучение, а у нас — безработные культурнослужащие. Почему?

Мы ответим так:

— Именно потому, что в стране индустриализация, автомобилизация и культур-

ная революция. Мы же сказали, что из секции биржи труда можно видеть все нужды страны.

Отвечу на первый вопрос.

Страна индустриализируется. Страна кончается с кустарщиной, с ремесленным средневековьем, с профессионами, отставшими от века. А в секции металлистов числится не только сто человек граверов, серебряников, штамповщиков. Они пережили свои профессии, которые умерли. Их высокая квалификация так же мало нужна стране, как не нужна ей иконописцы. Здесь молодежь почти нет и когда биржа труда говорит им: «Дорогие товарищи! Ваша профессия умерла, мы вас пошлем на переобучение. Беритесь за другую, новую страну работу. Получайте путевки», когда биржа труда говорит им это, они подходят за путевками с развалыцей, с раздумьем, с неохотой: в зрелые годы переобучиться нелегко.

У деревообделочников легче. Там средь безработных остаются краснодеревщики. Красное дерево умерло, а мастера числятся, ходят, ждут. Нын расшевеляли эту профессию и вырастил здесь молодое поколение. Сперва краснодеревец возмущается:

— Как? Я пойду на белое дерево!

Потом он идет и удивляется, и прекрасно работает, и забывает свою умершую для нашего времени профессию.

Отвечу на второй вопрос:

— Безработные шоферы (не смеяться заранее!) — это наше достижение. В будущем году страна срочно потребует новых десятков шоферов. Управляющие кадрами и биржа труда готовят их постепенно. Первые сотни уже выучились, они стали на учет как безработные и ждут своих шансов. Покамест биржа говорит этим ребятам (это конечно все молодежь):

— Ребята, выйдите на картошку, на дрожь, на капусту.

— Куда?

— На баржу.

— Гм...

— На вокзал.

— Гм...

— На машину.

— О!

Погрузка, связанная с машиной, принимает всего охотнее. Есть надежда, что в свободные минуты шофер позволит посидеть за рулем, то есть попрактиковаться.

Отвечу на третий вопрос:

— Напрасно вы станете искать на бирже безработного учителя. Зато вы наткнетесь на странную группу фантомов: это замк. Как-то, когда-то он был где-то заведующим чем-то. Конечно, он уже не живет ничем, кроме заведывания. Ему говорят:

— Товарищ, переобучайтесь, пока не поздно. Никогда вы больше завод не будете. Вы напрасно ждете. Никто никогда у нас не просит завод.

— Почему?

— Потому что замк выдвигаются у нас снизу, потому что должностя эта дается за классовое чутье, сообразительность, за жизненный опыт, за заслуги перед предприятием или учреждением на месте. Зав — это не профессия. Вы ничего больше не знаете?

— Нет.

— Подходите к столу, берите путевку. Мы сделаем из вас счетовода, просвещенца, кого угодно, но только не замка. У нас нет спроса на завод.

— Я ответил на все три вопроса.

IV

Помните ли вы трех домашних работников, позаваливших по костякам прелетов и углубленных в арматуриный вязку? Они жили дом на Размазовском, этот прелетовый дом против биржи труда. Если вы не забыли их, то знайте, что в 1930 г. одна секция перестала на бирже совсем. Летом 1930 г. прекратил существовать секция домашних работников. Индустриализация страны захватила их в свое течение. Им совали любезные путевки на работу по своей прежней специальности, но ни один из них не согласился. Все захотели быть строи-

тельниками и индустриалками. Так они стали арматурицами, токарниками, фрезеровщицами, шоферами, трактористками. В 1930 г. Москва потеряла семестное количество домашних работников. Многие мстлы, печки, таганки остались без присмотра.

По словам домашних работников пошли и домашние хозяйки. Биржа труда, все еще не могущая утолить жажду, открыла для них свои вчераше закрытые двери. Коридоры биржи стали заполняться совершенно новой, никогда невиданной здесь публикой. Домашние хозяйки разбредлись по секциям. Многие из них вспоминали свои давно забытые, супружеском погребенные профессии, и сразу уходили из предприятия. Другие зачислялись в секцию некавалифицированного труда. Оттуда несло их по каналам обучения, переобучения и так называемых черных работ. В день, когда я пишу эти строки, домашние хозяйки продолжают прибывать. Они скоро заполнят все коридоры. Однако биржа труда не боится этого напора, наоборот, она ждет его увеличения.

Уходит домашние хозяйки.

В 1930 г. трудоза перестройки бьются резко поднимая вверх.

V

Тут я чувствую необходимость напасть на кое-кого из биржи труда. Один из ее главарей жаловался на молодежь, особенно на подростков. Четырнадцатилетние-восемнадцатилетние (начало и предел) — уже самая крупная цифра биржи. Самая крупная цифра, самая главная работа. Вот в чем выражается жалоба так называемых — прошу прощения за вольность — биржевиков:

— Он еще, каваль, в школе — жалуетесь на подростков биржи, — уже спешит встать на учет. У нас такое впечатление, что он ждет этого дня, как раньше ждали имени. Ура, ему стукнула четырнадцатая лет! Он немедленно хватается за документы и отправляется на биржу труда. У нас очень много (это самая внушительная цифра) людей, еще не знавших труда.

— Итак вы жалуетесь...

— Пользуйте, я не жалуюсь! Но у меня такое впечатление, что если бы он (тог же такозачный подросток) мог, то он прибежал бы к нам прямо из материнского чрева с неотрешанной еще пуповиной. Нам так и кажется, что первые его слова, выходящие из впервые зашевелившихся губ: «мама» и «мама», а «биржа» и «учет».

— Какие злодеи!

Окончание на 12 стр.

ХЛЕБОЗАГотовКИ

Урожай пал на голову, как снег. Бай ждал недорода. Бай сыграл бы на бедняцких ребрах голубую симфонию похлеще артиста, но урожай сбил его с тона, расстроил исто музыка. Хлеб на полях колхозов колыскался, зрел, наливался, он подымался, как на дрожжах, и под тем же небом, на той же земле зрела байская ненависть, бай кипел, наливался злобой.

Небо района было прозрачно, как янтарь, по ночам в нем вспыхивали электрические зарницы, трещал сухой гром, днем улетало солнце; далекие подошвы горного горизонта дрожали в раскаленном ознобе. Пот высыхал как спирт. Наливающийся колос тревожно поднимал голову.

— Осадков нет,— сухо доносила метеорологическая станция.

— Аллах жарит лепешку беднякам,— горворная дехкане.

— И да падет мор на поля ваши, и черный червь войдется в колос и вынет колос, и смерть и смрад обует дом ваши. О, ниспошли, великий, сухой дождь огня, раскаленные стрелы гнева твоего, ибо ты один велик и милосерден...

Так звалили мулла.

Это была неслыханная доселе молитва о засухе и неврожае.

С гор дул влажный ветер. Жары отступали в пустыню сухими руслами рек. На горизонте встал туман. Свинцовые облака срезали высоту гор. Сгинуло солнце. Смерчем взметнулася каменная пыль. Ударил гром.

— О, всевышний,— молили мулла. — Ты один велик и милосерден. Обурю их твою и поля нечестивцев. Пусть лавины ливней сметут с лица земли их посевы, их дома, их скот, их сады, их виноградники, их машины. Вырви с корнем стрелы тополей, разметай в ключья тень ореховых деревьев, открой дорогу потокам...

Это была неслыханная доселе молитва о потоке и голоде.

Буря ревели в горах. Грохотали лавины. Молнии порхали над пропастинами. Синим дымом курдился мокрый горный лес. Буря металась в горах. На горах же, как известно, не жгут и не сеют.

— Будь ты проклят!—ругались мулла.— О, дьяволы гор, услышите нас! Горы молчали. В них рождалось и умирало эхо.

— Они стали глухи, как псы, и аллах и дьявол,— так сказали бай.

Хлеб на полях отжелезел. Колос низко опустил голову. С ржавым вином, взблескивая пожам, затронули по каменным дорогам широкие лобогрейки.

План хлебозаготовок был определен для района в 82 000 центнеров.

★

Восьмелетние две тысячи центнеров. Три пункта Союзахлеба. Восьмь глубинных склянок райколхозов. Мешки. Веса. Пук'. Шупы. Лошадь. Ишан. Верблюды. Плетни-волокуши. Каменные катки. Молотилки. Велюк. Сортировки. Триеры. Подводы. Бедняки. Ватраки. Середячки. Партинья. Комсомольцы. Беспартияные. Бай. Кулак. Аткамеры-подкулачники. Оппортунисты. Нытики. Панкеры. Маловееры. Бригады рабо-их. Уполномоченные. Двадцатипятилетисичники. Шестисотники. В счет «ста». В счет «два».

Хлебозаготовки начались.

★

Хлебозаготовки начались под лозунгом: «Все излишки государству. Ни одного центнера частнику».

— Высокий процент коллективизации обеспечивает своевременное выполнение заготовок. Поспешность — свойство дьявола. Хлеб подвезут.

Так еще до начала хлебозаготовок была введена твердая оппортунистическая установка на самотек.

Район был коллективизирован на 68%. Но в этих шестидесяти восьми процентах бродили жекеколхозники, бай, аткаммеры... Этот мусор — следствие весенних перебоилов, когда в колхоз «вошли» все поголовно. Отрезавший ветер «головакружения от успехов» выдул из колхозов колеблющихся и непонимающих, но кулаклов, какая ему может быть от колхоза польза. Чистки колхозов здесь не было. Поэтому «уши слуховой коллективизации» представляли наибольшую опасность для хлебозаготовок.

— У нас нет хлеба!— кричали бай-колхозники.

— У нас есть хлеб!— заявляла беднота. — Мы должны помочь государству. Вель оно помогло нам машинами, семенами, хлебом. Мы колхоз, мы опора советской власти.

— Мы тоже опора!— орвали бай. — Мы тоже колхозники. Мы хозяева своего труда. Хлеба?—наш, что хотим, то и даем.

— Мука уже стоит на базаре по пятнадцать рублей,— подкулачник подкулачил кик. — Что ты купишь на них?— проионки спрашивали бедняки. — Промтовара есть только у государства! Кто нам даст ситец, чай, сахар, керосин, гвозди?

— За деньги можно купить все. Даже самого бога,— неско говорили бай.— Ни одного центнера государству!

Так бай выдвинул встречный кулакский лозунг.

Собрания, посвященные хлебозаготовкам, проходили бурно.

— С пенью у рта бай оправдывал свой лозунг:

— Мы не даем хлеба потому, что у нас его нет и не будет. Вы говорите, что га дает 6 центнеров. Где они эти центнеры? Вы говорите, что у нас 354 га посевов. Откуда эти посевы? Нам нехватит хлеба до весны! Сделайте пробный обмолот... Пусть землемер проверит, сколько мы посеяли,— прищлите комиссо.

— Ставка наша была на теплы. Ставка бай была на теплы. Мы стремились ускорить их. Бай старался изо всех сил их замедлить. Комиссия, пробные обмолоты, перемеры посевов... На это нужны время и люди. Людей же не было. А время стоило дороже денег.

★

Время стоило дороже денег.

— Не надо спешить... Медленнее... Реже... Ты-ше,— шипит бай.

Медленно тапает по кругу волокуша: кусок плетни. На ней казак с остановившимся взглядом. Тощий верблюд лениво переставляет ноги. Недвижно солнце. Галка казак ползает по кругу — высокий в серебристых снегах горизонт. Недвижен воздух. «Не зашелестит, не прогрянет».

Полезет молотья.

Рядом казакская велюка — лопата. Рудие! Ей нет работы. Веют вель на ветру, а ныче безветрие, тишина, штиль... Ленивый верблюд медленно переставляет тощие ноги. Казак затягивает бесконечную пенью. Шуршит волокуша...

«Темы обмолота позорны», кричит «Правда в степи» (Чимкент).

«Обмолот срывает хлебозаготовки»... («Советская степь», Азма-Ата).

«Ни одного центнера колхозного хлеба кулаку и спекулянту».

«Ни одной бездействующей молотилки. Ни часу простоя».

«Взять оппортунистов с пути хлебозаготовок...» («Правда», Москва).

Время идет.

Бай потирает ладони ручек.

На переднюю линию прорыва выходят машины: молотилки и велюки.

ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Их молодая жизнь полна «случайностей»! Случайно пять серпов влетают в молотилку, выды прокалывают сита. Горные камни, величиной с детскую голову, летят вместе с хлебом в молотильную пасть, откуда же извлекают ежечас мотки колочных проводочных заграждений... Откуда это? Остатки ли империалистической войны, гражданская?

А сейчас не война, товарищи?
Не на жизнь, а на смерть.
— Нам не подходят машины. Видите? Казак не умеет на машине работать.

★

— Казак не умеет работать на машине.
— Это ложь! — взрывается молодой казак-агроним.

— Ему не надо машин. Пусть он пока молотит волокушей и вест долой. Медленно и верно. А казаку нужно учиться работать, куниться и учиться», как сказал товарищ Ленин.

Этого кулацкого подымаву я встретил на заседании райкома партии. Он кричал, что темпы непосильны. Он утверждал, что план хлебозаготовок невыполним. Секретарь райкома равнодушно постукивал по столу карандашником в серебряной оправе.

План хлебозаготовок прорабатывался. Шел август месяц. Хлеб начали убирать в начале июля.

— Знают ли вы, сколько хлеба они должны сдать?

— Нет. Успеется. И он еще не намолотил. И он почти не сеял.

— Он уже продает его на базаре!

— Разве? Скажите пожалуйста, когда же это он успел?

Серебряный карандашник секретаря оставался в воздухе.

— Колхоз «Кок-Терек» не принимает планов, — говорит с места урономоченная, московская работница, посланная на хлебозаготовки.

— Пятнадцать процентов хлеба брошено на полях! Хлеб собирают кулаки! Колхозные поля не охраняются! Хлеб воруют! В ауле Четырнадцать бай подожгли снопы Дисциплины никакой! Как будут делить урожай? Когда?

— Разве вы не получали бумаги? — важно спрашивает карандашник в серебряной оправе.

— Есть ли группы бедноты в аулах? Есть ли союз «Бедей» в колхозах? — добииваюсь я.

— Нам не надо групп бедноты, — говорят колхозники из правления. — Тут все беднишки. Мы сами бедники. Мы сами группа. У нас аул сплошной коллективизации.

— Была ли у вас чистка? — подозрительно спрашиваю я.

— Мы все бедники, — косит глаз колхозники. — Кого чистить?

Ночью над аулом стучит колотушка сторожа.

★

Колотушка сторожа? Тут нет сторожей с колотушками. Это — мельница.

На арьке, глубоко в саду, стоит машина. Хрипло кружатся жернова. Скрипит ось. Вода оросительного канала перебирает доласти мельничного колеса.

В глиняном домике глухие стук.

— Бай молотит хлеб.

— Но ведь бай почти не сеял?

— 15% колхозного хлеба брошено на полях. Хлеб не охраняется. На базаре мука нового урожая.

— Почему центнер муки?

— Сколько стоит центнер оппортунизма?

— Бедные бай. До чего доели человека. Бай... собирает колосья.

— И много ли он набирает в день?

— С семьей... 1-1,5 центнера... не больше.

Идет пробный обмолот. Комиссия дожидается обеда. Тогда члены правления колхоза ждут конца обмолота с тусклыми голодающими лицами.

— Где ваши 5 центнеров с га, а? Смотрите, еле-еле набрали 3.

Подписываются акты. Ставится печать. Битая комиссия проваливается в облаке пыли.

Я приехал в колхоз к вечеру. Лоптем дыни лежал на горах кусок зеленой ауны. Меня встретила Турлыбек Карулла — мы познакомились с ним на συμπункте аула номер Четыре, когда он с любовью разгадывал блистающие дурки, точные весы, мелюкрасные шупы...

— Ты хорошо сделала, что приехала. Я думаю, ты будешь с комиссией.

— А, дорогой товарищ, — встретила меня члена правления. — Уже поздно. Ужинать и ложиться спать. Тут была комиссия. Мы постелим тебе в комнате у председателя.

— Спасибо. Я лягу тут на соломе.

— Хорошо тебе на соломе? — спрашивает Турлыбек.

— Хорошо.

— Это не солома, джодас*, — заторопишки шепчет Турлыбек.

Ветер донесит липкий запах, похожий на дым женого гороха. Где-то курят ошны. Далеко за черной стеной сдвоя ржуют табуны.

— Это не солома, джодас, — говорит Турлыбек, — мы лежим на хлебе.

Всю ночь напролет мой друг рассказывал мне о тысяче и одной хитрости бай: как бай прятал скот от мисозаготовок, как бай сеет хлеб, что ни один замисел не может его найти, как бай спасается в колхозах от налогов; он рассказывал мне о весенних посевах, когда бай получал контракционные деньги, семсуду, товары и с утра до ночи тустая байская сеялка, в которой не было ни одного зерна, ходила в первом испанскому полю. И осенью черно было поле, а бай палялся на неурожай и советские машины; он рассказывал мне, как косил хлеб, что ятая часть его оставалась на полях, о ночных мельницах, о черных элеваторах байов, об обмолоте и обмолоченной соломе, набитой зерном.

— Ты знаа, что это хлеб? — спросил я.

— Знаа.

— Почему же ты не сказал этого раньше?

— У меня жена и трое детей, — ответил он просто.

— Но ведь ты знаешь, Турлыбек, что завтра же тут будет новая комиссия и завтра мы сделаем новый обмолот.

— Я знаю это.

— И ты не боишься, что подумают на тебя?

Он помолчал с минуту.

— Ты русский. Ты в очках. Ты хитрый, — так наконец сказал он. — Ты спал на соломе. Проснулся утром. И видишь — э, тут зерно. Как плохо молотит казак, ай-я-яй. Его нужно учить работать. Сколько добра пропадает, э?

— Чья это солома? — спросил я.

— Колхозов. Но ее взял себе председатель. э-э, на топливо.

Он сощурил глаз, и я услышала глухие стук в глиняном домике и ночную колотушку сторожа.

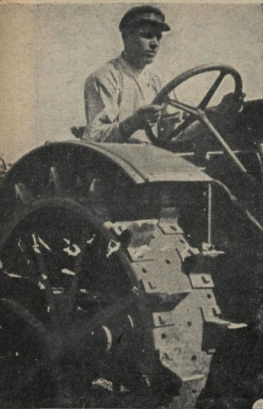
Мы провели контрольный обмолот. Пятдесят процентов зерна было взято в солому.

Хлебозаготовки продолжались.

Иван Сергеев

Колхоз «Амтанык» аула № 4, Тельмановский район.

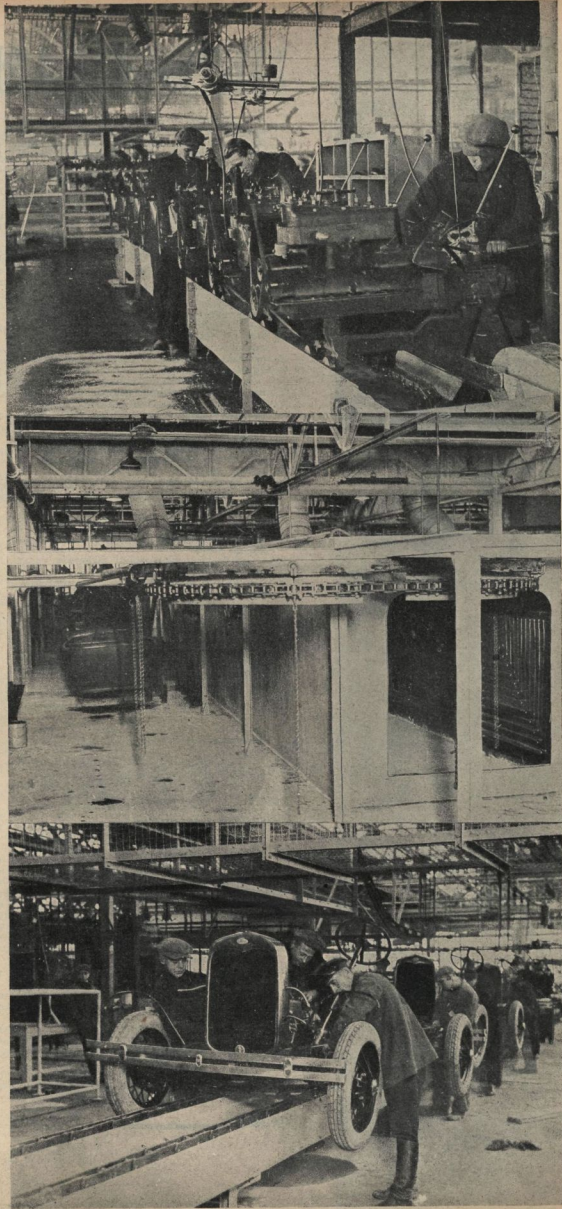
* Товарищ.

НОВЫЕ КАДРЫ НОВЫМ ГИГАНТАМ

В годовщину Октября в Ленинск и слободу открыт Московский авто-сборочный завод, который будет выпускать 24.000 автомобилей в год. На заводе, оборудованном станками фордовского конвейера, уже приступлено к сборке автомобилей из частей, закупленных у Форда. Полным ходом завод пущен 7 ноября, в день 13-й годовщины Октябрьской революции. С 1 августа 1931 г. Московский авто-сборочный завод перейдет на сборку автомобилей из советских частей.

НА СНИМКАХ: На стр. 8 — вновь востроенный дом ОГПУ на ул. Дзержинского; на стр. 9, вверху — вышка дома «Известия», — внизу строгий дом на Неглинной; на стр. 12, сверху вниз — сборка автомобилей на заводе им. КИМа; готовый кузов выходит по конвейеру, сборка на конвейере.

ГРАДУС ПЕРЕСТРОЙКИ

Окончание. Начало см. на стр. 8

Ирония смущает моего собеседника. Сейчас я скажу те несколько слов, которые я не успел произнести тогда.

«Дорогой товарищ, — скажу я, — на вас как на представителя биржи труда выпала прямо могучая задача. Вы привыкли распределять, т. е. распределять, растыкать; вам же говорит — создавайте! До сих пор к вам приходил рабочий с житейским опытом. Вы спрашивали:

- Кто?
- Сварщик.
- Автогенный?
- Нет, электро.
- Все равно нужен. Вот тебе путевка.

Бывало и так:

- Кто?
- Гравер.
- Гм... Подождите.

Сварщик уходил, гравер ждал. На бирже труда все было спокойно. Биржа ничего не создавала, она только посредничала. Сейчас она должна позаботиться о рабочем с самого начала, она должна взять его сырого, вооружить его ремеслом и связать с производством. Тут одной путевкой не отделаешься. Вы сейчас должны заполнить вашей работой брешь. Эта брешь зияет на пути от небооруженного подростка к предприятию.

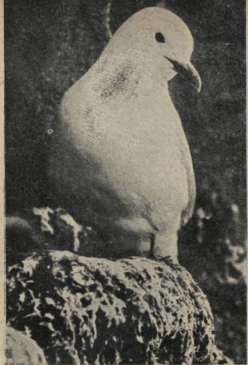
Подросток прав, что он так густо пошел на биржу. Он с самого начала хочет занять свое место в жизни. Он густо пошел и оставил биржу создать разные учин. Тут и стройучи и даже дозучи. Дозучи — это место, куда поступает незадачливый ученик, он там доучивается. Подросток заставил биржу открыть фабрики-школы, наспех сколоченные из прежних коллективов, мастерских и небольших заводков.

— Товарищи с биржи, на вас идут подростки. На вас идут домашние хозяйки. На вас идет новая, еще не учтенная вами, но уже учтенная жизнью, сила. Готовьте оружие, но не против них, а для них!

МЫ ЗАВОЕВЫВАЕМ КРАЙНИЙ СЕВЕР

Бор. Громов

Очерк второй

22 июля в 3 часа дня в сорокакратную цесовскую лупку (бинокль) капитан увидел несные пята далекой 3-й Фла де Иосифа. Врезая стальным тараном в трехметровый лед, «Седов» спешит к бухте Тихой, где мы в прошлом году оставили на зимовку семерых следовиков. Вскоре из-за поворота, купаюсь в ярком лучах арктического солнца, тихо заполохал подхваченный свежим ветером алый флаг советской радиостанции. Внизу у флагштока уже можно было разглядеть крошечные точки фигурок. Навстречу им с палубы «Седова» грянул приветственный залп.

Мы в бухте Тихой. С берега скользя в воду и поплескаясь к ледоколу маленькая лодочка. По улому шпиритрану на палубу лодки вскарабкался начальник Земли Франца-Иосифа — Ильяшевич. Его не узнал ш. Широкая охладистая борода, успевающая отрасти за зимовку, совершенно изменила лицо.

— Ну, как зимовали, все ли благополучно? — наперевой несется попроса.

— Все великолепно, зимовка прошла блестяще, все здоровы, даже поползли и чувствуют себя изумительно. Жили дружно, крепкой семьей, а потому и результаты работы весьма основательные.

Со следующего дня мы приступили к выгрузке бесчисленного количества припасов, обмундирования для новых зимовщиков. Круглые сутки в несколько смен работали матросы, перевоз продукты, тяжелые ящики с консервами, пеммакком — специальным концентрированным питанием для людей в эсдовых собах — на широких морских карбасах. И пока шекурские плотники сколачивали новый дом радиостанции, мы отправились на ледокоде в большой реке для исследования архипелага Земли Франца-Иосифа.

В то время, что обычно принято называть утром либо в это время года в Арктике круглые сутки день, мы прибыли к мысу Флора. Какой-то шутник или бесконечный оптимист присвоил этому дикому утrockом, неприглядному кусочку земли такое некое праздничное название. Огромная отвесная стена выветренных базальтовых гор,

скудная растительность, в виде бесконечного количества мхов, лишаяев и тощей травы, холодные русла гигантских глетчеров и камни, камни, небрежно разбросанные повсюду в хаотическом беспорядке. У самых обрывов на обрывчатых выступах скал — птичий базар. Круглые сутки там несомненно споры, домашние скандалы, дикий многоголосый — стон миллионов пернатых обитателей. Птицы совершенно не боятся людей. Стройные чапли или белогрудые кайры позволяют руками снимать себя с прилепшегося к отвесу гнезда или деркаку утащить неоперившегося желторотого пухлого птенчика.

Смотрев мыс Флора, мы на следующий день подошли к острову Альдер, где в 1901 г. зимовала богатейшая американская экспедиция Боудуина. В этой экспедиции принимал участие 45 американцев и норвежцев, а также 6 остяков. Она располагала 420 собаками, доставленными из Сибири, 15 сибирскими пони и свыше 60 оленей. Эта экспедиция, которая ставила себе целью достижение северного полюса, несмотря на богатейшие снаряжения, никакого научного или даже спортивного успеха не имела. Поход к северному полюсу не состоялся из-за раздоров между американскими и норвежскими участниками экспедиции.

Недалеке от берега, среди разбросанных проржавевших предметов домашней утвари, мы обнаружили занесенный снежным сугробом низенький досчатый дом с несколькими разбитыми окнами. На стенах сохранились обрывки электропроводов. На совершенно разрушенном крыльце в разбитых ящиках рассыпано несколько десятков килограммов потерявшего вкус и запах прожженного кофе. Едва вступили на берег, мы сразу обратили внимание на совершенно свежие следы человека, бродившего здесь еще в этом году. Видно на острове кто-то безобразно хозяйничал, безответственно распорядился предметами, имеющими большую историческую ценность. В отдалении, близ склона высокой горы, расположен остов магнитной будки, сооруженной из крупных рулонов толя, скрепленных вместо балок шпичковыми веслами. Несколько мотков прекрасно сохранившегося толя кто-то недавно пытался увезти, ибо на оттаявшей земле видны свежие следы, оставленные толем во время перекатки его к берегу.

В стороне жалко торчит скелет разрушенного склада провизии, где обнаружены вабитые, растасканные ящики с пеммакком. Содержимое нескольких неподкомок ящиков прекрасно сохранилось, несмотря на 29-летнее пребывание в диких морозах, сном влажным воздухе, и до сих пор съедобно.

«Разграбленные неизвестными лицами остатки экспедиции», — заявил проф. Шмидт, — представляющие огромную историческую ценность, диктуют необходимость СССР как хозяину Земли Франца-Иосифа усугубить меры к охране редчайших памятников первых завоевателей Арктики».

Чрезвычайно интересно, что недалеко спустя уже на берегу Новой земли мы нашли еще один исторический документ этой же американской экспедиции Боудуина — маленький пробковый буюк, густо олепленный проволочной сеткой. Когда мы отвинтили пробку, то внутри обнаружили узенькую поуюю металлическую трубочку, а в ней вымоченные напечатанные на машинке записки на норвежском и английском языках. С трудом разобрал напечатанное, вот что мы там прочли:

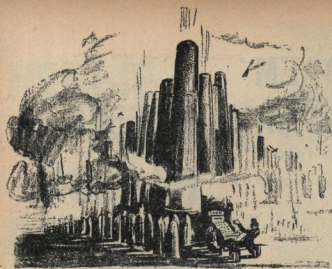
«Близкашему американскому консулу. Срочно требуется доставка угля. Яхта «Америка» в открытой воде в проливе Абердаль с 8 июля. Работа этого года успешна — огромный склад доставлен на Зе лю Руальфа на санях в течение марта-апреля-мая. Собраны коллекции для Национального музея, обеспечен отчет и зарисовки хижини Нансен, превосходные фото, кинокартины и т. д. Осталось 5 пин и 150 собак. Нуждается в сене, рыбе и 30 санях. Должен вернуться в начале августа, не добившись успеха, но и не потеревший. Все здорово. 12-е доносение. Бу-й № 164, 80 град. 21 миш. север широты, 56 град. 40 миш. восточной долготы, лагерь Цилдера, Земля Франца-Иосифа. Главная полевая квартира болдуиндерской полярной экспедиции. 23 июня 1902 г.». Внизу собственноручно подписан Боудуина и далее — «корпус связи САШ». Наверху приписано и подчеркнuto карандашом: «Спешите с углем». Таким образом мы нашли своеобразную «спешную» почту, путешествовавшую целых 29 лет. Солданий путь совершил этот крошечный памятник о неудачной миллионерской авантюре и безуспешном рекорде достижения северного полюса.

Заключив научно-исследовательскую работу, «Седов» вернулся в бухту Тихую. Уже с борта можно было видеть недалеко от главного дома на пригорке законченное снежее строение радиостанции, сарай для коров, небольшую оранжерею, где будут приведены первые опыты тепличного выращивания растений и овощей на этих широтах. Только один сутки простоял «Седов» в бухте Тихой. Надо было спешить к Новой Земле, куда из Архангельска уже вышел ледокол «Сибиряков» с грузом угля и свежих продуктов для нашей экспедиции. Нам еще предстоит долгий и тяжелый путь в совершенно неизведанном краю, где никогда не было ни одного судна в мире, где климат и земля до сих пор являются тайной для человека. Перед нами стоит вторая ответственная задача — пробраться к берегам Северной Земли и оставить там 4 голонистов под руководством опытного полярника, 3 года зимовавшего на острове Врангеля, — Ушакова.

В последний раз окидываем заливную солонку бухты Тихую, сияющую всеми цветами радуги, красную скалу «Рубина Роз»,

Склонение на стр. 19

ХУДОЖНИКИ ПРОЛЕТАРИАТА

ТВОРЧЕСТВО ФРЕДА ЭЛЛИСА

Военный марш.

На II международной конференции пролетарских революционных писателей создано международное объединение революционных художников. В ряды борющихся пролетариата всего мира вошел новый отряд революционеров. Фред Эллис — один из grandнейших делу рабочего класса и защиты СССР ваврубонных революционных художников. Очерк А. Вассехеса знакомит нас с творчеством тов. Эллиса.

«Искусство — это оружие» — так назвал свою статью, посвященную американским графикам-коммунистам, Майкс Вольд. Оружием искусство становится только в руках революционного класса, только тогда, когда оно служит средством в современной классовой борьбе, когда оно стоит на уровне тех идей, которые выдвигает молодой революционный класс.

Обливать врага, приговоздить его к позорному столбу на страницах газеты, сорвать с него маску лицемерия и гуманности, показать его во всей неприглядности его поздиной классовой сущности — разве это не великая и почетная задача, стоящая перед революционным художником наших дней?

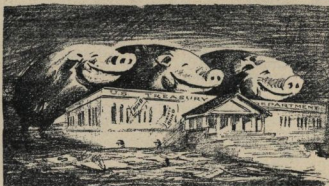
Эту задачу день за днем, год за годом выполняет группа революционных художников, работающих в органе компартии САСШ «Daily Worker» и в революционном журнале «New Masses».

Имена крупнейших художников этого круга знают друзья и враги, их рисунки перепечатывают газеты и журналы всего мира, они становятся символами эпохи, и даже когда эти рисунки терпят свою злободневность, они все же в полной мере сохраняют свое художественное и идейное значение.

Ни одно из роскошных изданий буржуазии не имеет к своим услугам таких крупных художественных сил, как скромный орган компартии «Daily Worker», страницы которого украшены меткими рисунками Роберта Майнора, Фреда Эллиса и Вальтера Гроппера. Это троиха сильнейших, но не единственных. Редакция «Daily Worker», «New Masses», недавно организованный клуб имени Джона Ринда стали художественной школой, привлекающей лучшие силы молодого американского искусства. Здесь работают Гуго Геллерт, Яacob Борк, Луи Лозовик, Отто Солгоу, Адольф Дев, Гарри Стивенс, Ган Колаский, Арт Юнг и многие другие даровитые графики.

Редактору «Daily Worker», одновременно крупнейшему графику и журналисту Роберту Майнору в этом кругу принадлежит роль учителя и вождя. Фреду Эллису — место наиболее яркого художника, способного тягаться даже со своим другом Робертом Майнором.

«Никогда он не создал ни одного шаржа, который не служил бы борьбе пролетариата. Его шаржи, нередко отсмешанные печатью гения, ставят его в ряды крупнейших политических рисовальщиков наших дней», пишет о Фреде Эллисе сам Роберт Майнор.

Кормушки для крупных свиней (казначейство САСШ).

Его величество нефть.

В фонд будущей войны (вклады в заводы военного снаряжения).

Фред Эллис.

Надо знать те условия, в которых работают революционные художники, чтобы в полной мере оценить это завладение Майнора. «Никогда не создаю ни одного шаржа, который не служил бы борьбе пролетариата». Это значит, что Эллис никогда не шел на компромисс, никогда не служил своим карнашом буржуазии, никогда не печатал своих рисунков на страницах буржуазной прессы, которая за посадные деньги неизменно платает переманить крупнейших революционных художников. Событиями крупными окладами буржуазных издательств, от революционной печати отошли Фил Патрик, Бордан Робинсон, Кааив Унд и много другие художники. Фред Эллис никогда не шел на такие компромиссы. Его биография — это послужный список революционера, отдавшего все свои силы мировому коммунистическому движению.

Фред Эллис родился в Чикаго. Шестнадцати лет он поступает чернорабочим на значительные чикагские 6-й линии, описанные Силкером в романе Джунга. Три с половиной года работает Эллис на бойнях. В 1905 г. выступает большая чикагская забастовка и Эллис оказывается в рядах бастующих. Забастовка длится семь месяцев. Эллис использует это время для посещения художественной школы. По окончании школы Эллис работает как рекламный художник, до последнего времени оставаясь членом союза рекламных художников. Как художник рабочего движения Эллис выступает уже в 1914 г. Последние четыре года он работает исключительно в партийных органах: «Daily Worker», «Liberator», «Workers Monthly», «Pote Фанес и наконец в «Правде».

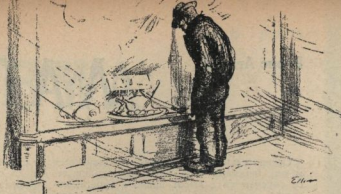
За эти годы Фред Эллис выдвигается как крупнейший политический рисовальщик. Эллис откликается на всекое значительное явление нашей эпохи. Успехи Советского союза и революционный Китай, преступления империализма, подготовка новой мировой войны, лавы Сакко и Ванцетти, грабег колоний, предательская работа лидеров желтых профсоюзов, планы Дауеса в Юге, дипломатические конференции и темные аферы дельцов Уола-стрит — все находит отражение в рисунках Эллиса.

Эта широта политического кругозора резко выделяет Эллиса из среды близких пролетариату революционных художников Запада. Мазерель облекает свой протест против буржуазного общества в глубоко субъективные и индивидуалистические формы. Гросс даже в то время, когда он активно работал в германской компартии, всегда ограничивался узко-национальной, немецкой революционной тематикой; художники старшего поколения: Кете Кольвиц, Цилле, Стейнлейн, изображали нищету и страдания трудящихся масс, но никогда не стояли на четкой классовой точке зрения.

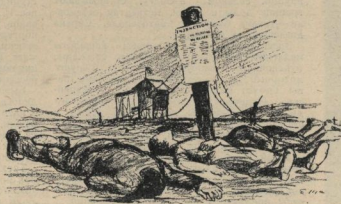
Эта ограниченность чужда Эллису. «Искусство—оружие» и Эллис неизменно использует это оружие в интересах единственной революционной силы, способной пересоздать лицо старого мира.

В ряде ярких символических образов раскрывает Эллис современную классовую борьбу. Его «Военный марш», изображающий буржуа, разгрягающего как на гигантском органе на ствол орудия милитаристическую симфонию, лучше всего передает насыщенную порохом атмосферу наших дней. Мет империализма, который порабощенные народы вакут по залитой кровью равнине к грядущей войне, вот другой, не менее красноречивый символ империализма.

Министерство финансов, превращенное в корушку для свиней—сатира на продажность буржуазных чиновников. Закованный в цепи псов, несущий тяжелейший крест, которого конвоирует католический священник,—вот картина «Мексика добрых старых дней». Кандидат в президенты, трон которого воздвигнут на штыках наемной армии Уолд-стрига и освещен крестом католической реакции,—вот картина Мексика наших дней. Жуткий рисунок, изображающий ночное кладбище, на котором буржуа рядом с могилами Савко и Ванцетти роет могилы для новых жертв,—от еще один

Обед безработного.

«Шесть шахтеров было убито и свыше 20 ранено во время стрельбы полиции в демонстрацию бастующих горняков близ шахты „Коломбина“».

Меч империализма.

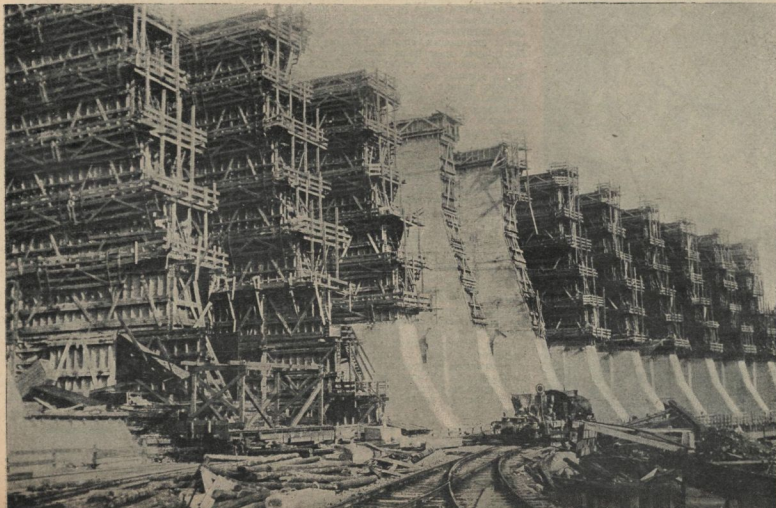
художественный документ, обличающий буржуазных палачей...

Каждый из этих рисунков—попешина старому миру, каждый из них срывает маски, обнажает врага, каждый из них является сигналом, пущенным меткой рукой в классовых врагов пролетариата.

На ряду с этими сатирическими рисунками, полными гневного пафоса, Эллис умеет изображать и новый, нарождающийся мир: комсомольца, встречающего зарю нового дня, революционный Китай, вступающий в борьбу с мировым империализмом; лобовым комором изображает он титм пролетариев, читателей коммунистической «Daily Worker».

Излюбленным изобразительным средством большинства советских и революционных западноевропейских графиков является графически четкая линия и плоскостная, плакатно трактованная игра черно-белых пятен. В отличие от них Эллис исключительно пластичен и живописен в своих рисунках. В этом отношении творчество Дени, Моора или Мазереля диаметрально противоположно графической манере Эллиса. Он любит подчеркнуть движение жирной линией карандаша, использовать зерно бумаги для выявления мягких живописных переходов черно-белого, вызывая карандашом те же живописно-пластические эффекты, которых Домье достигал средствами литографии.

Таким образом Эллис не является «революционером форм». Непрерывная цепь формально-художественных традиций ведет от революционных мелкобуржуазных художников—Домье, Стейнлейна, Кете Кольвиц,—к Эллису. Однако Эллис насыщает эту старую форму новым, классовым содержанием, возрождает только те художественные формы пролетариата, которые способствуют выявлению его темперамента революционера. Он всегда помнит, что искусство—это оружие. Это делает Фреда Эллиса одним из первых и крупнейших подлинно пролетарских художников. Альфред Басселес

НА ДНЕПРОСТРОЕ. На снимке—11 башенных устьев левого берега, в процессе заводочных построений.

Осенительный пароходик продвигается между берегами Оки. Грязелые склады леса спускаются с высот правого берега, который возле самой воды пылает осыпями рыжего песка. Лесный берег низок и не известно, где начинается он: ряды бревен, идущих славом в Волгу, стелются гряды воды и земли. Четвертая останова — гавань будущего автозавода. Сирена возвещает о прибытии.

Здесь барки как огромные кашалоты медленно разворачиваются возле эстокады; буржирки хлопочут и гудят; бшуют моторные лоды, украшенные перлыми пены. Грохот машин загромаждает пространство. Поднимается солнце. Оно зажигает достатые перелеты деревянных башен и стальные тесы подвальных кранов, оно спускается к медным частям, насос и наконец нивергается в воду потоком чешуйчатого пламени. Ночь оставляет последние электрические звезды возле железнодорожных путей. Они жалеют и гаснут. Встает очередная рабочий день, вместе с цифрой своей деля предвывая цифры новых заданий.

Паровозы подвозят к деревянным дебаркадерам составы платформ и товарных вагонов: строительство хочет есть. Его лица разнообразна и ее плзодят различно. Гравий например надо промыть и просеять. Батери например выстроились на песчаной косе возле самой воды. Они вращают свои обрабатные жерла и стреляют огмытым гравием в железные тележки, которые ползут к платформам.

Песок надо высыпать из барж и пересыпать на платформы. Дел краина система «чорд-вест» занята этим. Их данные стальные стрелы, напоминающие шеи допотопных чудовищ, опускаются и поднимаются. Их гусеничные ланы, волоча за собой тину и облезающие песком, перелезают по земле, оставляя следы, задираемые водой. Громадные ковши реют над дюнами песка, выбирая место, куда бы броситься. Они расквашивают комочки и становятся похожими на птиц, распашающих крылья над добычей. Помедви, они кидаются вниз, втягивают свои когти в песок, сжимают бастичные зубы и вылетают вверх. Струйки захваченной пищи протекат сновоз зубы в воздух. Описав круг, комочки разжимаются и тонаса песка рушится на платформу.

«Кайзеры» выгружают цемент, «браухойсты» выгружают доски, «аоманг» катят на своих резиновых спинах чистый гравий. Материалы, материалы, материалы! Доски, железо швеллера, стекло, толь, бут, цемент, песок, гравий, опать доска и толь, гвозди, бревна, дранка, известь, цемент, железо, гудрон, песок, трубы, трубы, гравий... Не изменяясь внешне, они впитывают в себя ценность человеческого труда и стоимость машин, они движутся здесь не только на колесах поездов и рудных тележек, но и на круглых костяшках бухгалтерских счет, перепрыгивая с кошек на рубли и десятки рублей. Грандиозный деревянно-стальной грузник стоит на берегу реки, глотая не только баржи камня, но и сотни тысяч рублей.

Гавань ест свою каменную пишу день и ночь. По ночам она облекается зеленым туманом таинственных ламп, которые ввинчивают в воду огненные сердца своих отражений. Более тысячи человек работают здесь.

Их лица мольды. Их черные тела, обнаженые по пояс, мускулисты. Их движения быстры, несмотря на жару и тяжесть работы. В огромном большинстве они комсомольцы. Их лагерь расположен недалеко. Ряды белых палаток как на войне или на маневрах. Люди в форме Союза красных фронтовиков. Футбольная и волейбольная площадки, на которых мяч играет с солнцем. Походные столовые, бельё, развешенное на берегу пруда для просушки, звуки

гармонки. Добровольная мобилизация стана сюда сотни молодых. Они пришли — из Курска, из Чебоксар, с Украины, Северного Кавказа, из Сибири — строить величайший в СССР и в Европе автомобильный завод. С учетной книжкой 1939 года они идут на стройку, как их старшие братья шли в окопы. И здесь приходится брать окопы котлованов, обслуживать орудия кранов и транспортные поезда. Ближайшие перекрестки — гул фронта встречает и окружает их. Фронтная жизнь: палатка, дисциплина, усталость, ледяное купание на рассвете.

Было не просто завоевать лагерь. Приходилось идти в атаку против своих же, бери в плен криваты, одеяла, штаны, книжки, фуражки, отбывать палатки и уборные. Спать на голой земле, мыли руки холодной, купались в дожде и грязи, голодали. И становились на работу.

Трехгранная подушка, нехорошо называемая ярмом, ложилась на спину, на подушку ложился камень, мешок, грависос, доска и люди шли, балансируя на затыках сходящих, под солнцем, под дождем, под ветром. Респираторы окутывали головы, пыль вливалась в толую кожу — люди работали в темных тюмах барж, связывая букеты цементных бочек и отдавая их блокам кранов. Это была строительная гвардия, которую перераскивали с одного участка на другой, чтобы навестить провала, выполнить неожиданное задание. Они обрубивались на работу с яростью атаки, они не возили тачки, а мчали их, не потугаясь лопаты в гравий, а втыкаясь в него. Бата не было. Шло наступление. Мускулатура работала за счет мозга, и баржа, еще наполненная камнем, или насос, питающий гравием, заслонив картину стройки, как лицо единичного прототипа заслоняет на минуту картину атаки.

Вскоре пришлось оглядеться пошире и увидеть многое, не замечавшееся раньше.

Под деревянными потолкаи управления строительством трепетала тревога. Титулились заседания инженеров, где люди разводили руками, беспомощно ссылаясь на объективные причины. Мгом казалось, что они правы. Как можно строить громадный завод, не имея гравия? И о гравий шли телеграммы, телефонograms, приказы, требования, газетные статьи. Как можно строить, не имея плитников, каменищ оков, бетонощиков? И о каменищах шла дискуссия между Наркомтрудом, крайисполкомом, управлением строительства. Наконец, кто несет ответственность за строительство, если нет паровозов, если впитывают в себя ценуность человеческого труда и стоимость машин, они движутся здесь не только на колесах поездов и рудных тележек, но и на круглых костяшках бухгалтерских счет, перепрыгивая с кошек на рубли и десятки рублей. Грандиозный деревянно-стальной грузник стоит на берегу реки, глотая не только баржи камня, но и сотни тысяч рублей.

Тогда пришлось двинуться на фронт, уже более широкий, чем раньше. Сорokinская бригада комсомольцев (арматуришки) заявила, что она хочет работать. Ей часа ежесуточно сверх нормы для дисквалификации прорывов. Она предоставляла себя в распоряжение штаба строительства для переброски на любую работу. Бригада Переходникова влезла за гравий.

Он добавлял в двух днях пути на Длесе. Там дела были плохи. Там головоустройство и безответственность перекорекрили всю механическую установку и гравий двоялся явственно какой-то местной артелью, которая

ЦУА ИЗИА

не работала в дождик из-за лени, не работала в субботу из-за базара, не работала в воскресенье из-за крестного хода. Командир молельши загер мобилизовал 50 человек для отправки на Плес. Они выехали туда с грохотом музыки, с только что выданными одеялами, в которых были закатаны манерки, и с точным знанием о том, что работа будет категорична. Зельскопы были сделаны.

Плотники делались так: 30 человек, не державших никогда в руках топора, нагрозались на постройку барахов. Сначала они подносили доски, потом эти доски резали, потом прибавлял их там, где указывали старшие плотники, потом они уже сами лазили по лесам, ставя перегородки, кроя крышу. Через 2 недели они отправлялись на работу на основное строительство—шить опалубку и класть блоки в домах соцгорода.

15 человек влезли за транспорт. Бригада расселась по платформам с часами и блокнотами в руках, следя за временем погрузки и разгрузки, за сроками питания паровозов и машинистов, за скоростью работы грузчиков и водокачек. Было выяснено, что паровозов может хватить, если транспорт заставить работать как следует.

Потом встал вопрос о подготовке рабочих на будущее время.

★

В поле идут занятия. Люди стоят в 2 шеренги. Командир отчеканивает: «Раз, два, три, четыре». Фронт требует подготовки бойцов. Вот они готовятся.

При счете «раз» рука с ковшом выносится вперед; при счете «два» корпус наклоняется вправо налево; при счете «три» ковш делает черепашье движение; при счете «четыре» корпус выпрямляется, ковш возвращается к телу и принимает исходное положение. Так обучают штукатуры. К будущему году их надо несколько тысяч. Космополцы сделают их, хотя в будущем они вовсе не намерены быть штукатурами.

Они занимают только что отстроенные дома соцгорода для своих курсов плотников, камешников, бетонщиков. Но они помнят о том, что их задача стать автомобильщиками. Те цехи, где через год, одетые в синие комбинезоны, с ключами и отвертками в руках, они будут стоять возле станков, твердо станут на бетонные основания, систему опалубки которых они изучили, как мать изучает искусство пеленать своего ребенка.

Но рабочей сила нужна для строительства и сейчас. Срочно требуются чуть ли не 4 тысячи рабочих.

Шесть человек едут в деревню вербовать ребят. Хохлов приезжает в свое село. Приходит в ячечку КСМ; там дают разрешение. 50 человек набрано. Но сельсовет против: «Мы крестьянство дожины, не время нам эти заниматься». Сороч человек отобрал и оставил в деревне.

Премьер приезжает в деревушку возле Иваново-Вознесенска. Там в райкоме КСМ свои ребята помогут. Но в райкоме посмотри исподлобья: «Как тебя не арестовать, братишка? Парень—на биржу. Там: «Арестуйте!» «Чорт с нами, арестовывайте, поеду вербовать». Сел на телегу и поехал. Набрал ребят, а на вокзале—милиция. Но проскочил как-то. Приехал.

Что и говорить, ребята влезали за вербовочку слепца, черепурьяно. Однако привезли 300 человек.

В палатке секретария бюро тесно. Здесь грозятся чайников подвешены под потолок, ноги одеть топчальщице в улах, верохода кружка вальсуют на полу. Неудомы еще люди толпятся здесь. Из-под узких полушубков-жешени вдуваются и пухнут невероятные волны, потоки кружев, целые струи сбросивших невзлюбленных шветов. Пострепные платки окутывают головы, раскрасе глаза, цвет которых можно сорке

угадать, чем увидеть,—так они узки—смирят недоумению, но с достоинством. Эти чувашинки. Они приехали из окрестностей Чебоксар вместе со своими братьями, которые уже расположились на полу и хрюлят во-всю. Рядом кокетливо одетые горожанки, бойкие и вместе смущенные, не знающие, куда им деваться, наседают на секретаря с вопросом о том, где жить, где работать, где питаться. Секретарь, отирая пот, пишет путевки: «Тридцать человек на перевообедочную. Десятисто человек на транспорт—схвачанная бригада. Двадцать человек на постройку бараков. Двести человек на соцгород».

Здесь работает «космополский учра-пред». Что делает отдел найма, ленивство, вероятно пишет сводки о нехватке рабочей силы. Он спорит с Наркомтрудом и ссылается на объективные причины. Здесь объективные причины побеждены. Рабочие приехали. Но распределить их некому, и вот космопол занимается этим сам, «перешвыная власть», в сущности только отказываясь от хвостима, от равенства на узкие места. Секретарь рассказывает мне о том, как все это было сделано, но я слушаю его с трудом. Ему не больше 20 лет, он черен от загара, ворот его рубашки распахнут, глаза, утомленные от бессонной ночи, светятся весьлем. Я ставлю крючки в мой блок-нот, но думаю о другом.

Я вспоминаю юношу в шинели гимназиста с дурацким синим бланком на голове, марширующего по площади возле собордержки деревянную винтовку на плече. Штабс-капитан Аполлонов, сверкая эполемиа, нагрудником, орденами, пуговицами, шарфом, кокардами, на фуражке и головничке сапог, шпорами, палашом и глазом избрированной физиономией, кричит особенно пропойным голосом слова команды. Директор в треуголке, обливаясь потом, семешит штатской рысью мимо фронта, принимая парад. «Первой наператора Александра I тифлисской классической гимназии. Классическая картина! Какое палишее солнце во-круг и как невероятно тесен этот мир, куда маршируют люди в шинельх офицерского цвста с деревянными винтовками у плеча! Покорность и послушание, равнение направо, на-ка-ра-уд—под генерала!» и мраморная лестница с пушистым ковром впереди, все в ступеньках коллегских регистраторов, статских и действительных статских советников. Винцу штабс-капитан Аполлонов порит воздух от расширяющего его патриотизма.

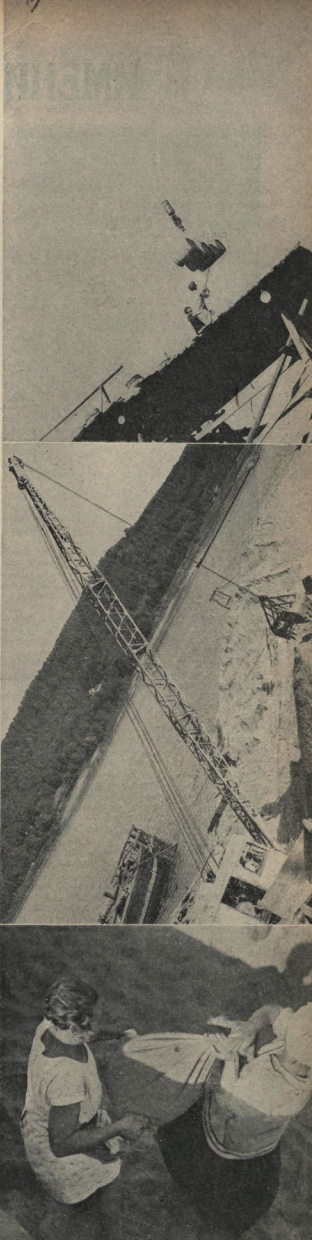
Врвях хохота прерывает мой воспоминания и расказ секретаря. Кажется хохочу и сам. Возможно, что хохочет нован натата приехавших. Уж нет ли здесь ребят из Тифлиса?

И минутная зависть моя, неслепая как воспоминание о собственном рождении, расплывается в улыбках новых друзей.

★

Недавно старый венский профессор Зигмунд Фрейд, родоначальник психоанализа, прочел пространную речь о религии. Профессор усомнился в справедливости религиозных догматов. Будучи последовательным в своей теории, он объявил религию не более как грандиозной и тысячелетней выдумкой, которая была необходима для того, чтобы удерживать общество от падения в безнравственность, безделье и преступление.

Если бы профессор Зигмунд Фрейд не был так стар, мы предложили бы ему побывать в лагере социализма на берегу. Он бы не нашел там и следов религиозных иллюзий. Он увидел бы, как люди, не связанные никакими «табу» и фантастическими запретами, живут и работают в обстановке гораздо более строгой и нравственной, чем это ему может казаться.

ИМЕНИ XVI ПАРТС'ЕЗДА

Очерк Г. Актан

Мы пришли в Балтимору. Каждый свободный час вечера мы отдавали знакомству с азиатско-американской страной, с ее зданиями и техникой. Мы остро чувствовали необходимость обладать современной машиной для нашей индустриализации.

Эти машины, эти заводы, эти дороги — нам, Союзу советам!

От своего трудогодного валютного заработка, сокращенного до 40%, моряки стали откладывать на подарок социалистической родине. На общем собрании команда парохода «Юрчен» решила привести домой трактор.

Через два океана, два моря и 9 с лишним тысяч морских миль привезли свой подарок советские моряки в советский порт.

Привезли, отказавшись от личных покупок, сэкономив на питании, заработав сверхурочно...

Первым портом оказался старый Петропавловск на Камчатке. И здесь узнали моряки, ведущие подарок, трактор: два месяца тому назад на первобытной камчатской земле организовался красноармейский колхоз, первый и самый молодой. Колхоз имени XVI партсъезда.

Кому же, как не молодым колхозникам подарить подарок?..

— Мы словами не можем выразить благодарность. Мы должны ответить работой... Особенно здесь, где в колхозе восемьдесят процентов женщин и большая хехатка рабочих рук, трактор ваш, товарищи моряки, особенно ценен... — говорил на собрании заместитель председателя колхоза Багаев.

Трактор передавали в самый нужней момент. До ямы предстояло засеять 10 га озимой ржи.

Оркестр играл «Интернационал». На торжественном собрании на палубе парохода моряки передавали три подарка: пароход, отремонтированный и привезенный из Америки, трактор красноармейского колхозу и двадцать производственников в свою коммунистическую партию.

Вокруг блестящего сверкающего американского гостя возлился красноармейцы-пограничники. Мак Корник басовито ворчал, показывая свою могучую силу, ценную для первобытной Камчатки...

Каваски тянет на буксире кунгас. Каваски — японского типа моторный бот. На нем пассажирами едем мы, моряки привезенных из Америки пароходов. Мы — делегаты от команд в красноармейский колхоз. С нами красноармейцы-пограничники, зампредколхоза тов. Багаев, комсомола местной петропавловской организации и рабочие-строители. С нами подарок колхозу — трактор, занимающий центральное место на каваски и в нашей поездке.

Мы несем еще сепараторы, маслобойки, корнерезку и игрушки детям колхозников от команды «Игельмен».

Медленно разворачивается величественная Аванчиская бухта. Перед нашим каваски новые изломы гор, залиты и небольшая угрюмая вода. Солнце, склоняющееся к горизонту, серебрит транспондичный флаг. Алое полотнище с моторного катера как символ нашей смелости развевается над трактором.

На воде тысячи птиц, целыми островами они покрывают водную гладь. Острова ко-

Советское правительство купило за границу несколько десятков пароходов для нашего торгового флота. За пароходами в Америку послали команды моряков. В числе матросов пошла наша сотружница Г. Гильдегард-Г. Актан. Советским морякам пришлось обойти вокруг света, перевезя пароходы из Америки в Камчатку. Г. Актан побывал в колхозе, в первом и самом молодом, имени XVI партсъезда. На снимках — отдельные эпизоды из жизни колхозников.

лышутся, плавают пух, кричат чайки, пищат топорники и гогочут гагары. Из воды высовывается жирная морда нерпы и с любопытством следит за нашим передвижением. С каваски и кунгаса поднимается свист. Все старается привлечь любопытную нерпу, охотники стоят наготове с винчестером, дробинком и наганом.

Рассевшийся туман и заходящее солнце показали нам большую шапку дыма, выбро-

шенную вулканом Авачей. Подземные силы здесь ждут еще своего обуздания. Уже несколько лет на вулканах работает экспедиция вулкановедов. Серные источники, горячие ключи с железистой водой, целые сопки краски охры — вот что окружает молодую жизнь нового колхоза. Приходи, копей, беги, работай.

То хмурясь, то улыбаясь прощается с нами уходящий день. Мы от берега к берегу обходим мели и идем вперед до ночи. Уже все поочередно грелись у моторов, все прыгали, закручивались, изобретали всевозможные способы утепления, когда старшина катера скомондавал: «Принимай!»

Мы подходим к берегу, к костру, к серым силуэтам лодок и шестов, к собачьему лаю и резкому запаху гниющей рыбы.

— Печка!

На берегу покрытый соломенными циновками сарай, стоговая, икрыня, ая, сзади несколько палаток, кругом ямы, костер. Это передовой пост колхоза. Рыбачка под названием «Печка». Несколько молодых крепких женщин, в высоких резиновых сапогах, входят в воду, отталкивают дощатые узкие лодки и улавливают в тьму добытую красную рыбу. Это богатство, знакомое нам по красной икре, балыкам и нежным лодыжкам красной рыбы — кижучу, горбуша, кета, кунжа. Задание выловить 80 тысяч штук красной рыбы колхозники выполнили на 75% — 60 тысяч штук рыб уже за отовалено, так же как и 2 тонны икры из заданных 3.

С несколькими лицами, угощая нас свежей икрой, рыбой и чаем, а потом и замечательной ухой, колхозники спрашивают у своих прискакавших с нами:

— А и где же мой человек? — это боевой вопрос дня. 183 человека из колхозников еще находятся в рядах армии. Они несут свою тяжелую погранично-военную службу от мыса Лопатки до Удэна, на тысячекилометровом пространстве охраны границы Камчатки. После демобилизации они придут в колхоз, принесут новую силу и рабочие руки своих молодых лет.

Стойко перенося невзгоды и ночные морозы, живут колхозники в палатках. Веселая украинка, показывая нам железную трубу, выходящую в палатке от печки, которой она греет свое жилище, смеясь говорит:

— Красота, кто не понимает! — и весело смеется. Это здесь любимая фраза. Утром мы продолжаем путь. В быстрых водах Авачи то-и-дело встречаются рыбы, плывущие по самой поверхности. Вот плывут обессиленные произведением потомства горбуши. Рыбу несет течение, рыбу ждет гибель от прожорливых нерп, от крикливых чаек и морских орлов.

С воды поднимается стая уток, высоко тянут гуси и парят камчатский оред. Жизнь кипит. Подальше в глуши бродят медведи, как у нас в городе собаки.

С предосторожностями пройди два каната, натянущих поперек реки для задержки сплавного колхозного десяти-м подледник к берегу. Нас встречает Козин — молодой колхозный председатель. Рабочие выгружаются с пилат, топорами и неизменными сумками и этот приезд вдвойне радует молодого предка.

Есть отчего порадоваться. С июня, расклевывает Козин, когда организовался колхоз из семей пограничников, люди живут в палатках и землянках. Сейчас 338 человек насчитывает наша семья, а жилищ нет. Эти строители до зимы должны поставить нам стандартные дома на 450 душ, магазин-распределитель, столовую и кухню. Материал вы уже видели, он привезен, но до холодов времени осталось мало. Если справимся мы с жильем—вылезли. Жилищный вопрос может завреть все.

Под навесом несколько женщин и девушек солят рыбу, укладывая ее в бочки. Женщины, мужчины, женщины... 80 процентов женщин! Мужчины редкими фигурами вымчат в колхозе.

На важной гаванной косе рыбаки разбирают улов. Палкой с крочками лодку цепляют рыбу и складывают в кучи. Переваливается серебро чешуи и ярко-красное мясо споротых рыб. Крупным жемчугом играет на солнце икра.

На пригорке табор: костры и палатки. Здесь кипит жизнь. Стряпать, варить, строгать. У костра я встретил первого и последнего старика. Он выглядел здесь извращением среди этой молодой коммуны.

Отдавая на ходу распоряжения и останавливаясь, выслушать подхождений товарищей, Козин ведет нас осматривать владение колхоза. На отнятых у леса раскорочкой 50 гектаров дестневной почвы с 17 июня 1930 г. впервые засеяно 17,8 га ов, 4, 12 га корнеплодов, картошки, капусты. Колхоз имеет 36 коров с молядняком, 7 английских свиней, 21 дойду, но только десять хомуты и 9 телет, а недостающее имущество негде взять, надо везти с материка.

Есть доктор, фельдшер и акушерка, но агронома и ветеринара нет. Надо строить скотный двор на 250 голов.

Над лесом, на склоне сопки вьется сильный дымок—это колхозники впервые пробуют выжечь березовой уголь, а по плану уже намечено 250 тонн. В гуще палаток и землянок раздается стук молотков. Металлические трубы, чаны и мины—орудия разрушения, вывезенные из моря—соединяются в перегонный аппарат. Пить тонн дегтя и тонну скиндрара поставили на свой план колхозники-красноармейцы. Разве это не социалистические темпы?

Для слесарной мастерской, должной дать колхозу утварь—тазы, ведра, киятелиники,

корыта, строится земляной дом из дерна. Столпы работают под откатым небом, делают столы, стулья, скамейки, нарты, полостья—все, без чего нельзя обойтись колхозникам.

— За японские корзинки для рыбы мы платим по пять-шесть рублей валюты, а зимними долгими вечерами мы будем их плести сами так же, как и бочки будут делать наши бондари. И как только будет готов новый дом—откроем школу первой ступени.

На берегу торжественный и ответственный момент. Трактор должен выйти на землю. Кавасаки подведен к самому удобному месту зачала, и молодой улыбающийся красноармеец, в прошлом ленинградский шофер, вояжит со стальным конем. Мы хладом балки, застылием их досками. Вокруг собирается толпа. Трактор, похныкая дымок, тархатит на каваски. Ломает доски, палубу каваски тяжелой стальной кобы. Мы помогаем машине. Трактор делает первые шаги к берегу, со скрежетом въезжает на доски и замривает. Все напряжено следит за каждым поворотом колеса. Сейчас трактор в опасности. Берег и каваски спереди и сзади. Шофер стал серьезен, он выключает полный газ. Трактор рвется вперед... прыгает... да, да, прыгает, буквально как лошадь, попяная в канаву, и разлетевшиеся доски и комья грязи, которыми обдал американский гость колхозников, вступил на дестневную почву Камчатка, свидетельствуют, что все благополучно.

Зачепа две телеги, лесной дорогой едем в Елхово. Там работает основная масса колхозников. Рабочие-строители уже разбили свои палатки у места будущего колхозного поселка. Завтра тут начнет расти социалистический городок. Красноармейцы свои дома решили поставить в виде пилюночной звезды. Пять домов радиусами от центральной площадки.

Козин—энтузиаст. Он разворачивает работу, как трактор поднимает почву многометальным плугом. С четырех километров от Елзова, в тайге, он задумал построить вальсера, разивать пушное дело. Уже есть песты, от них ожидают осенний приплод, дальше будут кролики, лисы, чернобурки. Багаев скептически смотрит на эту затею. Но рассказ о питомниках Госторга кажется делом его неевре.

блестящие русла гигантов-глетчеров, крошечные домишки самой северной в мире радиостанции. Крепко жем руки новой смены—11 молядым энтузиастам, остающимся на зимовку, желаем им успеха, здоровья и энергии в выполнении большого научного поручения—исследовать, изучить и полностью охватить далекий кусочек Союза.

Одиннадцать: молодой талантливый ученый географ, член партии—начальник станции Иван Андреевич Иванов, участвовавший в знаменитом походе Красина на поисках Нобиле; доктор Кутяев, поставивший себе задачу—изучить влияние полярной ночи на изменение крови человека; Визляч, которому никто до него не разрешал; старый полярник, имовавший 4 года в Арктике,—радиот Иойае; гигант механик, бывший шофер Ворошилова—Глоусонов; гидролог Мухин; опытный полярник с многолетним стажем—метеоролог Голубович; участник прошлого года похода «Седова» повар Постнов; служитель Данилов и два промышленника-аверобой, взятых нами с Новой Земли—Кузнецов и Хатанзейский, и среди них женщины—жена начальника станции, научный работник—геолог Раблева-Демье. Эта первая женщина на Земле Франца Иосифа. Это о ней на прощальном вечере сказал Шмидт, что особенно за ее работу будет следить весь мир, ибо большевики делают первый шаг, оставая на эту же самую полярную зимовку женщину. Среднего роста с маленькими косичками на плечах, в кожаной куртке и грубых сапогах, с черными пытливыми точками глаз, она своим общим видом производила впечатление человека решительного.

Мы покинули берега Земли Франца Иосифа. Залпами выстрелов, протяжными шепотами сердце гудками распрощались мы с бухтой Тихой, домишками и дорожками друзей.

НА СНИМКАХ: на 13 стр. сверху—птица на мысе Флора; внизу слева—руководящий состав экспедиции: справа—надпись, сделанная в 1914 г. экспедицией Гейла; в центре—на россыпи являющейся экспедиции Русанова и Буслана; на 19 стр. сверху справа—на наблюдательном посту.

НА СТРАЖЕ ПЯТИЛЕТКИ

мы настойчиво и неуклонно проводим политику мира, но стальной щетиной штыков, технической мощью Красной Армии вооруженные пролетарий встретит каждого, кто попытается нанести удар СССР.

